

Хорошее и плохое не абсолютно
и не относительно; оно геометрично.

Марк Кунн. Плохо ли убивать?

Армия может научить нас убивать,
но она не делает нас убийцами.

Casefile, эпизод 90

*Моим соучастницам —
Эми-Элизабет, Джесс и Кейт*

ПРОЛОГ

Представьте себе идиллическую картину: на безмятежном холме в Центральной Италии какие-то мужчины сидят и молча смотрят в полуденное небо. Вдалеке заметен другой холм, а на нём — другое сборище. Все эти люди — пастухи, следовавшие за близнецами, которые явились неведомо откуда, свергли царя Альба-Лонги и сами стали править, объявив себя сынами Марса. При них Альба-Лонга превратилась в убежище для скрывающихся преступников, беглых рабов и бродяг всех мастей. Наконец пришельцев стало так много, что близнецы решили основать собственный город. И в этот момент между ними впервые разгорелся неразрешимый конфликт: по неизвестной причине город нужно было назвать в честь кого-то одного из близнецов — а второй должен был подчиниться брату. Ни тому ни другому уступать не хотелось; сошлись на том, что спор решат боги, послав знамение, а именно — коршунов. И вот близнецы и их соратники сели и стали ждать, оглядывая долину. Как вы уже догадались, звали братьев Ромул и Рем.

Прошло бог знает сколько времени — и вдруг с Авентинского холма, на котором ждали Рем и его товарищи, донёсся крик. Над холмом пролетели шесть коршунов — явный знак того, что боги избрали Рема в качестве основателя города. Обрадовавшись, Рем в сопровождении соратников отправился на Палаatin,

где ожидал знамения хмурый Ромул. Но не успел Рем поведать брату о случившемся, как над Палатином тоже появились коршуны — целых двенадцать. Боги решили, что основателем города станет Ромул.

Каждого из братьев его сторонники провозгласили царём. Возникла проблема. Каждая из ватаг основала собственный город. Напряжение всё нарастало. В конце концов Рем, демонстрируя полное презрение к начинаниям брата, перепрыгнул через одну из стен, возводившихся на Палатине. Это вызвало у Ромула приступ неконтролируемого гнева. Он напал на Рема, заколол его и, ничуть не жалея о содеянном, объявил, что так будет с каждым, кто посмеет нарушить границу основанного им города. С этого убийства и началась история Рима.

К 510 году до н.э. Рим стал процветающим городом. Правил им в ту пору царь Тарквиний Гордый. Но, видимо, прогнило что-то в римском царстве: вскоре ещё один акт насилия повлёк за собой радикальные перемены. Сын Тарквиния, Секст Тарквиний, изнасиловал аристократку по имени Лукреция. Та созвала своих родственников, объяснила им, что случилось, а затем взяла и пронзила себе сердце кинжалом. Членам её семьи этот поступок показался благородным и достойным всяческих похвал — и, пылая праведным гневом, они принесли её тело на форум, словно она стала жертвой убийства. Скорбящие потребовали свергнуть Тарквиния и изгнать его вместе с сыном. Римский народ согласился — и поразительно единодушно и быстро упразднил монархию и провозгласил Рим республикой. При этом римляне решили не отдавать полномочия в одни руки, чтобы разделение власти, а также система сдержек и противовесов никому не позволили стать тираном. Римляне чрезвычайно гордились этим достижением — а возможным его сделала смерть ни в чём не повинной женщины.

Славная Римская республика просуществовала 450 лет — её закат тоже был ознаменован убийством. В мартовские иды 44 года до н.э. единоличный правитель Рима вступил в Театр Помпея, где сорок заговорщиков нанесли ему двадцать три колотые раны. В результате Юлий Цезарь, пожизненный диктатор и предшественник римских императоров, умер, истекая кровью, а перед его девятнадцатилетним внучатым племянником Октавианом открылась дорога к тому, чтобы стать прославленным божественным Августом.

ВВЕДЕНИЕ

Каждый переломный момент римской истории сопровождало убийство. Человек умирал насильственной смертью — чаще всего кровавой — и там, где он когда-то жил, возникало нечто новое. Рим был построен на крови Рема; республику породила гибель Лукреции; империя выросла из убийства Цезаря. Убийства в Риме не были редкостью — но на протяжении большей части римской истории само по себе убийство преступлением не считалось. А к убийствам, происходившим на гладиаторской арене, и вовсе относились как к спорту. Символом римского государства была фасция — пучок прутьев, в который вставляли топор. Прутья символизировали право государства бить граждан, а топор — право их убивать. Фасции носили телохранители, известные как ликторы, которые сопровождали римских магистратов всюду, куда бы те ни направились, никому не давая забыть об их полномочиях¹. Немногие общества относились к преднамеренному и целенаправленному убийству мужчин и женщин с таким же наслаждением и благоговением. Прямо скажем, в этом отношении римляне были людьми весьма странными.

Но и наше современное западное общество относится к убийствам довольно странно. Мы их попросту обожа-

¹ В книге используется много латинских терминов. Значение большинства можно узнать, заглянув в Глоссарий.

ем. Мы питаем к ним особую потребительскую страсть. Сегодня в Великобритании каждая третья продаваемая книга — криминальный роман, в начале которого какую-нибудь красивую женщину неизбежно находят мёртвой. Последние пять лет самым продаваемым писателем в мире считается Джеймс Паттерсон. Сочиняя триллеры о жестоких убийствах (из них целых восемнадцать — о «Женском убойном клубе»), он каждый год зарабатывает такие суммы, что они не укладываются у меня в голове. А самый продаваемый англоязычный автор всех времён — Агата Кристи: всего было продано от двух до четырёх миллиардов копий её детективных романов!¹ Но речь не только о беллетристике. Настоящие преступления тоже пользуются огромным спросом. В 2014 г. подкаст Serial о реальном убийстве школьницы за три месяца скачали сорок миллионов раз; с тех пор популярность посвящённых убийствам подкастов и сопутствующих медиа продолжает расти. Вы, дорогой читатель, заинтересовались книгой «Пришёл, увидел и убил. Как и почему римляне убивали» и наверняка ждёте (и не напрасно!) много описаний смертей и прочих ужасов. Я вас вовсе не осуждаю. Я ведь её сама написала — потому что я тоже люблю убийства. Я обожала Serial, я одержима Агатой Кристи, всевозможные убийства будоражат моё воображение. И я много чего убийственного вам расскажу — если вы, конечно, к этому готовы.

Наша западная одержимость убийством как захватывающей и занимательной аномалией делает нас чудо-

¹ Признаюсь, это цифры из «Википедии», которые, по всей видимости, основаны на выдумках газетчиков, — но сойдёт и так. Почётное первое место она делит с Уильямом Шекспиром, который и сам нередко использовал убийство в качестве сюжетного хода.

вишно странными на фоне других культур. Ни одно общество не создавало медиаимперий на крови бесчисленных множеств умерщвлённых и искалеченных женщин. Но нам самим странными кажутся римляне — потому что они наслаждались убийствами не так, как мы. На нашей совести — горы трупов выдуманных девушек, а на счету римлян — горы трупов реальных мужчин. Римляне, как уже говорилось, превратили убийство в спорт. Они заставляли рабов и военнопленных сражаться друг с другом на арене до тех пор, пока один из них не умирал насильственной смертью на глазах ликующей толпы. И это происходило регулярно. Гладиаторские бои в Риме были вторым по популярности видом спорта (первым были гонки на колесницах), и это весьма своеобразно влияло на отношение римлян к убийствам в других жизненных обстоятельствах — а также к фундаментальным вопросам жизни, смерти и человеческого бытия.

А ещё у римлян существовало институционализированное рабство, проникавшее во все сферы жизни общества и с трудом укладывающееся в голову у наших современников, которые верят во всеобщее равенство. Рабов — мужчин, женщин и детей — можно было встретить в Риме повсюду. Во владениях аристократов жили сотни порабощённых римлянами людей. Даже семьям победнее зачастую прислуживал хотя бы один раб. Римское государство использовало труд рабов — и физический, и умственный, назначая некоторых из них на руководящие должности — чтобы управлять огромной империей и возводить на каждом шагу помпезные мраморные сооружения, украшенные милыми росписями. Все римляне постоянно контактировали с рабами, и никого из них существование рабства не смущало. Не было такого, чтобы римлянин взглянул на своих рабов или вольноотпущенников (которые оставались частью семейства бывшего хозяина) и подумал: «Постойте-ка,

да ведь они такие же люди!» Скорее римляне относились к этим мужчинам, женщинам и детям, с которыми нередко жили под одной крышей, как к стульям, как к вещам, с которыми можно делать что вздумается и от которых можно избавиться — чаще всего без каких-либо неприятных последствий. И всем казалось, что это естественно и правильно. И это тоже влияло на их представления о добре и зле, о жизни и смерти.

ЧТО ТАКОЕ УБИЙСТВО?

Подозреваю, что каждый думает, будто знает ответ на этот вопрос. Подозреваю, что большинство заблуждается — по крайней мере, с юридической точки зрения. Я и сама заблуждалась, пока не приступила к работе над этой книгой. Оказывается, лишение человека жизни (*homicide*) не всегда признаётся убийством (*murder*). Лишить человека жизни можно на вполне законных основаниях: речь, к примеру, о смертной казни, которая до сих пор существует в сотне стран (я думала, эта цифра меньше). Прямо сейчас в ста странах мира один человек может ввести другому смертельную вакцину, или застрелить его, или повесить — при полной поддержке государства. Солдаты, убивающие друг друга на поле боя, тоже действуют в рамках закона. Солдат может изо всех сил стараться убить как можно больше человек — и в итоге заработать только медали да тяжёлый посттравматический синдром.

Но в большинстве случаев лишение человека жизни незаконно — и эти случаи весьма разнообразны. В Великобритании и в США случаи неумышленного лишения человека жизни делят на две большие группы. В первую (*involuntary manslaughter*, в Шотландии — *culpable homicide*) входят ситуации, в которых преступ-